СЕВЕРИН ЛЁД

ПОСЛЕДНИЙ ЧЕСТНЫЙ ПАЛАЧ

КНИГА ПЕРВАЯ · ДЕЛО О МЁРТВОМ ИМЕНИ

Город забывает. Палач помнит.

18+

Северин Лёд
Последний честный палач

https://litres.ru/74968133
SelfPub; 2026

Аннотация

В Керне казнь — это не смерть, а вычерк. Палач Гильдии Забвения вписывает имя в Чёрную книгу, и человека забывают все. Палач помнит — это его ноша и его привилегия.

Йона Вейл вычеркнул двести семнадцать человек. На двести восемнадцатом он ошибается: приказ подделан, а осуждённый невиновен. Его дочь приносит список имён, которые кто-то методично стирает из истории. След ведёт к канцлеру, к затонувшему кораблю «Милосердие» и к собственной сестре Йоны, которую он считал мёртвой.

Чтобы остановить канцлера, Йоне придётся нарушить главный закон Гильдии: палач не расследует. И решить, что важнее — порядок, построенный на забвении, или правда, которая может разрушить город.

Северин Лёд
Последний честный палач

СЕВЕРИН ЛЁД
ПОСЛЕДНИЙ ЧЕСТНЫЙ ПАЛАЧ
Книга первая. Дело о мёртвом имени
Роман

АННОТАЦИЯ

В Керне казнь — это не смерть, а вычерк. Палач Гильдии Забвения вписывает имя в Чёрную книгу, и человека забывают все. Палач помнит — это его ноша и его привилегия.

Йона Вейл вычеркнул двести семнадцать человек. На двести восемнадцатом он ошибается: приказ подделан, а осуждённый невиновен. Его дочь приносит список имён, которые кто-то методично стирает из истории. След ведёт к канцлеру, к затонувшему кораблю «Милосердие» и к собственной сестре Йоны, которую он считал мёртвой.

Чтобы остановить канцлера, Йоне придётся нарушить главный закон Гильдии: палач не расследует. И решить, что

важнее — порядок, построенный на забвении, или правда, которая может разрушить город.

Часть первая. Двести семнадцать

Глава 1
Двести семнадцатый

«Палач помнит. Город забывает. В этом — милосердие». Устав Гильдии Забвения, статья первая.

В день двести семнадцатого вычерка я проснулся от того, что у меня чесалась ладонь.

Я посмотрел на неё. Двести шестнадцать чёрных линий — тонких, ровных, как штрихи писаря. Они шли от запястья к пальцам и дальше, на тыльную сторону, где кожа была грубее. Каждая линия — имя. Каждое имя — человек, которого я стёр.

Двести семнадцатая линия должна была появиться сегодня.

Я умылся, оделся в чёрное — Гильдия не любит цветов, — и вышел на улицу. Керн пах солью и дымом. Город стоял на чёрной скале над морем, и белая соль, которой он торговал, покрывала крыши, как снег. Люди шли по улицам, не поднимая глаз. Они знали, куда я иду.

Керн жил солью и забвением. Соль добывали в шахтах под городом; забвение — в Доме Забвения. Соль продавали в другие порты; забвение оставляли себе. В городе говорили, что палачи — самые честные люди, потому что они помнят то, что другим знать не положено. Я не знал, честные ли мы. Я знал только, что моя ладонь чешется перед каждым вычерком, как у рыбака — перед дождём.

Город делился на Верхний и Нижний. В Верхнем жили те, кто платил; в Нижнем — те, кто платил собой. Между ними лежала чёрная лестница, вырубленная в скале. Я спускался по ней каждое утро и поднимался каждый вечер. Люди на лестнице не здоровались. Они знали, кто я.

Над Домом Забвения висел колокол. Он звонил один раз в день — в час вычерка. Люди слышали его и крестились. Дети

спрашивали, кто умер. Взрослые отвечали: «Никто. Просто кого-то забыли».

Дом Забвения стоял в центре города. Чёрный камень, узкие окна, одна дверь. Над дверью — вывеска с чёрной книгой и словами: «Мы помним, чтобы город мог забыть».

Внутри было холодно.

***

В Зале Забвения ждали.

На чёрном подиуме лежала Книга. Огромная, в человеческий рост, в переплёте из чёрной кожи, с медными углами. Она была прикована цепями к подиуму — не потому, что могла убежать, а потому, что так было заведено триста лет назад.

Перед Книгой стоял судья Орн. Он был стар, сух и прям, как гвоздь. В руке он держал приказ.

Слева от подиума стояли гвардейцы. Между ними — человек.

Артур Сей. Пятьдесят лет, седой, в серой робе. Он был чиновником порта; его обвиняли в измене. Я не читал дело. Я никогда не читал дело. Моя работа — проверить печать и вычеркнуть имя.

— Йона Вейл, — сказал Орн. — Приказ.

Я взял лист. Печать была настоящей. Подпись — настоящей. Всё было в порядке.

— Именем города, — сказал я.

Артур поднял голову.

— Я невиновен.

Я посмотрел на него. У него были серые глаза и руки в мозолях. Он не был похож на изменника. Но это ничего не значило. Изменники редко выглядят как изменники.

— Это не моё дело, — сказал я. — Моё дело — печать.

— Я не подписывал признания.

— У меня нет признания. У меня есть приказ.

— Тогда вы убьёте невиновного.

— Я не убиваю. — Я подошёл к Книге. — Я вычёркиваю.

Орн открыл Книгу. Страницы были чёрными, с белыми буквами. Они двигались медленно, как рыбы в тёмной воде.

Я взял стило — чёрный железный стержень, тяжёлый, как пистолет. Артур смотрел на него.

— У меня есть дочь, — сказал он. — Она не забудет.

— Все забывают, — сказал я.

Я написал его имя.

Артур Сей.

Буквы легли на страницу ровно, как солдаты. Потом я провёл стилом черту.

Свет погас.

Не в зале — в мире. На секунду мне показалось, что я стою в пустоте, и в этой пустоте есть только имя. Оно горело белым, как соль. Потом оно погасло.

Я открыл глаза.

Артур стоял на коленях. Он всё ещё был здесь — тело, лицо, руки. Но в его глазах было пусто. Как будто из комнаты

вынесли мебель.

Гвардейцы переглянулись.

— Кого мы привели? — спросил один.

— Не знаю, — сказал второй. — Наверное, бродягу.

Орн закрыл Книгу.

— Готово, — сказал он. — Уведите.

Артура подняли и повели к двери. Он не сопротивлялся. На пороге он обернулся и посмотрел на меня. В его глазах не было узнавания. Только страх — тот особый страх, который бывает у человека, забывшего собственное имя.

Я помнил его. Я всегда помню.

Я помнил и Тэсс. Мою сестру. Ей было двенадцать, когда она утонула. Так мне сказали. Так было записано в книге мёртвых. Я помнил её смех, её страх темноты, её привычку спать на левом боку. Я помнил, как отец учил её считать. «Один, два, три, — говорила она. — Четыре, пять, шесть. А потом мы все умрём?» Отец смеялся и говорил: «Потом мы все уснём». Он был палачом. Он знал, что это не одно и то же.

***

После вычерка я вернулся в свою комнату в Доме Забвения.

Комната была маленькой: кровать, стол, умывальник, окно во двор. На стене висел устав Гильдии. На столе лежала чашка с остывшим чаем.

Я подошёл к умывальнику и вымыл руки. Вода была хо-

лодной. На ладони проступила новая линия — двести семнадцатая.

Я сел на кровать и закрыл глаза.

Я помнил Артура Сэя. Помнил, как он стоял перед Книгой. Помнил его серые глаза. Помнил, как он сказал: «У меня есть дочь. Она не забудет».

Я не знал, была ли у него дочь. Я не знал, был ли он виновен. Я знал только, что его больше нет.

В дверь постучали.

Я открыл. На пороге стояла девушка. Лет двадцати пяти, в сером плаще, с мокрыми от дождя волосами. В руке она держала бумагу.

— Вы палач? — спросила она.

— Да.

— Вы убили моего отца.

Я посмотрел на неё.

— Я никого не убиваю.

— Вы вычеркнули его имя. — Она шагнула вперёд. — Я помню его. Я помню, как его зовут. И я знаю, что он был невиновен.

— Кто вы?

— Лиз Сей. — Она подняла бумагу. — И у меня есть доказательства.

***

Запись № 217. Вычеркнут: Артур Сей. Причина: измена. Палач: Йона Вейл. Примечание: приказ проверен. Печать

подлинная.

Глава 2
Дочь

Запись № 217. Вычеркнут: Артур Сей. Причина: измена. Примечание: признание в деле отсутствует.

Лиз Сей сидела на моей кровати и смотрела, как я читаю.

Ей было двадцать пять. Серые глаза, как у отца.

Она работала в портовом архиве — младший регистратор. Днём переписывала грузовые декларации, ночами читала старые судовые журналы. На пальцах у неё были черниль-

ные пятна, а под глазами — тени, которые не проходят от одной бессонной ночи. Я знал этот тип людей: они не могут остановиться, пока не найдут ответ. Обычно такие люди плохо кончают. Мокрый плащ она сняла и повесила на спинку стула; под ним было простое серое платье. На пальцах — чернильные пятна. Архивариус.

— Где вы были, когда его вычеркнули? — спросил я.

— На корабле. В трёх милях от берега. — Она сжала руки. — Я возвращалась из Астена с грузом бумаги. Когда я сошла на берег, таможня не нашла имени моего отца в списках. Дом был пуст. Соседи говорили, что здесь всегда жила одна женщина.

— А мать?

— Она забыла. — Лиз посмотрела в сторону. — Она смотрит на меня и не понимает, кто я. Иногда кормит. Иногда прогоняет.

Я отложил бумаги.

— Чего вы хотите от меня?

— Правды.

— Я не судья.

— Вы палач. Вы помните.

— Это не одно и то же.

— Для меня — одно.

Она достала из сумки папку. Внутри был приказ о вычерке и несколько листов.

— Вот приказ. В нём сказано, что мой отец признался в

продаже портовых расписаний. Я проверила архив. Признания нет.

— Оно могло быть изъято.

— Оно не могло быть изъято. — Она положила передо мной лист. — Вот опись дел, изъятых из архива за последний год. Признания Сэя в ней нет.

Я посмотрел на опись. Она была заверена печатью канцелярии.

— Это ничего не доказывает.

— Это доказывает, что приказ подписан без признания. — Лиз наклонилась вперёд. — Судья Орн не мог вынести приговор без признания. Значит, он его не выносил. Приказ подделали.

Я откинулся на спинку стула.

— Вы понимаете, что говорите? Подделка приказа — это вычерк для того, кто её совершил.

— Я понимаю.

— И всё равно пришли ко мне.

— Больше некому.

В комнате стало тихо. За окном шумел дождь.

Я налил ей чаю. Она не взяла. Смотрела на стену, где висел устав Гильдии. Я знал, о чём она думает. О том, как легко люди верят в бумагу. О том, как бумага делает человека невидимым. О том, что мой отец тоже верил в бумагу — и умер с ней в руках.

— Вы когда-нибудь видели, как вычеркивают? — спросил

я.

— Видела. — Лиз сжала чашку. — Один раз. На площади. Мужчину. Он кричал, что его зовут Мартин. Потом замолчал. Люди вокруг перестали на него смотреть. Как будто он стал пустым местом.

— Это всегда так.

— И вы к этому привыкли?

— Нет. — Я посмотрел на свою ладонь. — Просто перестал считать это привычкой.

Я взял приказ и посмотрел на печать. Она была настоящей. Я знал эту печать — канцелярия канцлера Вейда.

— Уходите, — сказал я.

— Вы мне не поможете?

— Я не могу.

— Почему?

— Потому что палач не расследует. Он вычёркивает.

Лиз встала. Взяла плащ. У двери обернулась.

— Мой отец говорил, что палачи — единственные честные люди в городе. Потому что они помнят.

— Ваш отец ошибался.

— Может быть. — Она открыла дверь. — Но я всё равно оставлю вам бумаги.

Она ушла.

***

Я сидел и смотрел на папку.

Потом открыл её снова.

Внутри был не только приказ. Там был список — длинный, в три столбца. Имена, даты, причины. Я пробежал глазами.

И остановился.

Тэсс Вейл. Двенадцать лет. Причина: «Милосердие».

Я знал это имя. Я знал его лучше, чем своё.

Тэсс была моей сестрой. Она утонула, когда мне было девятнадцать. Так сказали. Так было записано. Так было вычеркнуто.

Я помнил её. Я всегда помнил её. Но я не помнил, что она была в списке.

Я встал. Взял плащ. И вышел в дождь.

***

Запись № 217-А. Вычеркнут: Артур Сей. Причина: измена. Статус: приказ проверяется. Примечание: палач сомневается.

Интерлюдия

Дом на набережной

Запись № 217-Г. Вычеркнут: Артур Сей. Причина: измена. Примечание: дом не помнит.

Дом Артура Сэя стоял на набережной, в конце улицы Мокрых Камней.

Это был узкий двухэтажный дом с зелёной дверью и окном на море. Когда-то здесь жила семья: отец, мать, дочь.

Теперь в доме жила только мать. Она не помнила, что у неё была семья.

Лиз открыла дверь своим ключом.

— Она не заперлась, — сказала она. — Мама всегда забывает запереть.

Мы вошли.

В доме пахло хлебом и мокрой шерстью. На кухне женщина месила тесто. Она была полной, с седыми волосами, в сером фартуке. Увидев нас, она не удивилась.

— Вы из порта? — спросила она.

— Нет, — сказала Лиз. — Мама, это я.

Женщина посмотрела на неё. В её глазах не было узнавания. Только вежливое любопытство.

— У меня нет дочери, — сказала она.

Лиз замерла.

— Есть. Я Лиз.

— Лиз, — повторила женщина. — Красивое имя. У моей соседки была собака по имени Лиз.

Она вернулась к тесту.

Лиз стояла в дверях и смотрела на неё. Я видел, как её руки дрожат.

— Пойдём, — сказал я.

Она не двинулась.

— Она не помнит, — сказала она.

— Знаю.

— Она не помнит меня.

— Знаю.

Я взял её за руку. Она не сопротивлялась.

***

Мы поднялись на второй этаж.

Комната Лиз была маленькой, с кроватью, столом и полкой. На стенах висели рисунки: корабли, чайки, море. На столе лежала тетрадь с расчётами. В углу стоял сундук.

— Здесь, — сказала Лиз. — Под половицей.

Она подняла половицу. Под ней был тайник — узкая щель, в которой лежал свёрток.

Лиз достала его. Внутри были бумаги: судовой манифест, письмо, несколько заметок. Почерк был мелкий, торопливый.

— Это его, — сказала она. — Отца.

Я взял манифест. Это был список пассажиров «Милосердия». Триста имён. На полях — пометки, сделанные рукой Артура: «выжил», «вычеркнут», «не найден».

— Он знал, — сказала Лиз.

— Знал.

— Он пытался рассказать.

— И его вычеркнули.

— Здесь был его кабинет, — сказала Лиз. — Внизу, за кухней.

Мы спустились. Кабинет был маленьким, с письменным столом и полками. На стенах — карты морских путей. На столе — чернильница, перо, лупа. Всё было на местах, как

будто хозяин вышел на минуту.

Я открыл ящик стола. Внутри лежали счета, расписки, старая трубка. Под ними — тонкая тетрадь в чёрном переплёте.

Я раскрыл её. Это был личный журнал Артура. Он вёл его двадцать лет. Записи были короткими: даты, суммы, имена. Некоторые имена были перечёркнуты.

— Что это? — спросила Лиз.

— Он вёл счета. — Я провёл пальцем по строке. — Не только портовые. Здесь платежи канцлеру. И обратно. Взятки.

— За что?

— За молчание. — Я перевернул страницу. — Твой отец платил Вейду. И Вейд платил ему. Они были связаны.

Лиз побледнела.

— Мой отец был частью этого?

— Он был чиновником. — Я закрыл тетрадь. — В Керне это одно и то же.

Она отвернулась.

— Я думала, он был хорошим.

— Он был трусом. — Я положил тетрадь на стол. — Но он пытался исправить. Это больше, чем делают большинство.

— Вы оправдываете его?

— Нет. Я объясняю.

В комнате стало тихо. За окном кричали чайки.

— Что это? — спросила Лиз, показывая на рисунок, при-

колотый к стене.

Я посмотрел. На рисунке была семья: мужчина, женщина и девочка. Мужчина был нарисован со шляпой и трубкой. Девочка держала его за руку. Под рисунком было написано детским почерком: «Папа, мама, я».

— Это ты? — спросил я.

— Да. — Лиз сняла рисунок со стены. — Мне было шесть.

Она посмотрела на него долго. Потом сложила и убрала в карман.

— Пойдём, — сказала она. — Здесь больше нечего делать.

Лиз села на кровать. В её руках было письмо. Она не открывала его.

— Прочитай, — сказал я.

— Не могу.

— Тогда я прочитаю.

Она отдала мне письмо.

***

«Лиз.

Если ты читаешь это, значит, меня уже нет. Не ищи меня. Не спрашивай, где я. Я сделал то, что должен был.

Двадцать лет назад я был молодым чиновником в порту. Я вёл списки. Однажды мне принесли приказ: подготовить «Милосердие» к выходу. На борту были не преступники. Политические. Семьи. Дети.

Я не смог отказаться. Я подготовил корабль. Потом он утонул. Потом выживших вычеркнули.

Я молчал двадцать лет. Я боялся. Я хотел, чтобы ты выросла в мире, где никто не задаёт вопросов. Я ошибся.

Если я исчезну, найди канцлера Вейда. Он знает. Он был там.

Прости меня. Я не был хорошим человеком. Я был трусом. Но я любил тебя.

Твой отец».

***

Лиз заплакала.

Я сидел рядом и не знал, что делать. В Гильдии не учат утешать. Учат помнить. Я запомнил каждое слово.

— Он был трусом, — сказала Лиз.

— Он был человеком.

— Это не оправдание.

— Нет.

Она вытерла слёзы.

— Что теперь?

— Теперь у нас есть манифест. И письмо. Этого достаточно, чтобы начать.

— Начать что?

— Расследование.

Лиз посмотрела на меня.

— Вы же сказали, что палачи не расследуют.

— Я соврал.

Она улыбнулась. Впервые за всё время.

***

Внизу хлопнула дверь.

Мы спустились. Женщина стояла у стола, с тестом в руках.

— Вы ещё здесь? — спросила она.

— Мы уходим, — сказала Лиз.

— Подождите. — Женщина посмотрела на неё. — Вы не знаете, куда делся мой муж?

Лиз замерла.

— Какой муж?

— У меня был муж. — Женщина нахмурилась. — Он ушёл утром и не вернулся. Я не помню его лица.

Лиз открыла рот, чтобы ответить. Я взял её за руку.

— Мы не знаем, — сказал я.

Женщина кивнула.

— Жаль. Он был хороший.

Она вернулась к тесту.

Мы вышли на улицу.

***

На набережной дул ветер. Лиз стояла у перил и смотрела на море.

— Она помнит, что у неё был муж, — сказала она. — Но не помнит, что у неё была дочь.

— Так работает вычерк.

— Это жестоко.

— Да.

Она повернулась ко мне.

— Вы найдёте его?

— Кого?

— Канцлера. Вы найдёте доказательства?

— Найду.

— Почему вы мне помогаете?

Я посмотрел на море.

— Потому что я тоже потерял сестру.

— Её вычеркнули?

— Да.

— Вы помните её?

— Помню.

Лиз взяла меня за руку.

— Тогда мы найдём их обоих, — сказала она. — Вашу сестру и моего отца.

Я не сказал ей, что мой отец был палачом, который приказал вычеркнуть Тэсс. Я не сказал, что мастер Грей исполнил приказ. Я не сказал, что, возможно, я сам когда-нибудь вычеркну её.

Я просто кивнул.

***

Запись № 217-Д. Вычеркнут: Артур Сей. Причина: измена. Статус: дело закрыто. Примечание: дочь помнит.

Глава 3

Гильдия

«Палач не судит. Палач не расследует. Палач помнит». Устав Гильдии Забвения, статья вторая.

Дом Забвения просыпался рано.

К шести утра в трапезной собирались палачи. Нас было семеро: я, мастер Грей, трое старших и двое молодых. Мы ели кашу, пили чёрный чай и не разговаривали. Устав запрещал обсуждать дела за столом.

Бран сидел напротив меня. Двадцать пять лет, широкие плечи, честные глаза. Он пришёл в Гильдию пять лет назад, после того как его отец — портовый грузчик — был вычеркнут за долги. Бран не знал, что я вычеркнул его отца. Я не сказал. В Гильдии не принято говорить о таких вещах.

— Ты сегодня какой по счёту? — спросил он.

— Двести семнадцатый.

— Много.

— Не так много, как у Грея.

Бран посмотрел на мастера. Тот сидел во главе стола, слепой, с прямой спиной, и водил пальцами по краю чашки.

— Он помнит всех, — сказал Бран. — Тысячу двести сорок три.

— Больше.

— Он говорит, что помнит.

— Он говорит правду.

Бран помолчал.

— Я не знаю, смогу ли так.

— Сможешь. Или уйдёшь.

— Из Гильдии не уходят.

— Уходят. Просто забывают, что уходили.

К шести утра в трапезной собирались палачи. Нас было семеро: я, мастер Грей, трое старших и двое молодых. Мы ели кашу, пили чёрный чай и не разговаривали. Устав запрещал обсуждать дела за столом.

Мастер Грей сидел во главе стола. Ему было семьдесят; он ослеп десять лет назад, но продолжал руководить Гильдией. Говорили, что он помнит наизусть все имена, которые вычеркнул, — а их было больше тысячи.

— Йона, — сказал он, когда все закончили. — Задержись.

Я остался.

— Ты проверял приказ Сэя, — сказал Грей.

— Да.

— Зачем?

— Мне показалось, что печать стоит неровно.

Грей улыбнулся. Улыбка была сухой, как бумага.

— Ты никогда не проверял печати. Двадцать лет.

— Всё бывает впервые.

Он помолчал.

— Йона, — сказал он. — Гильдия служит закону. Не истине. Не справедливости. Закону.

— Я знаю.

— Тогда оставь это дело.

— А если приказ подделан?

— Тогда это дело судьи. — Грей повернул голову к окну, хотя не мог видеть света. — Не наше.

— А если судья и есть подделка?

Грей не ответил.

Он никогда не отвечал на этот вопрос. Я знал почему. Двадцать лет назад Гильдия была другой. Мастер Грей ещё видел, и его слово значило больше, чем слово канцлера. Потом он ослеп — не физически, а иначе. Он перестал различать, где закон, а где приказ. Для палача это смертельно. Для города — удобно.

— Гильдия служит закону, — сказал он наконец. — Если закон ошибается, это не наша вина.

— А если мы знаем, что он ошибается?

— Тогда мы всё равно служим. — Он поднял голову. — Иначе город перестанет верить в закон. А если город перестанет верить в закон, он начнёт верить в силу. Ты хочешь жить в городе, где правят сила?

— Я хочу жить в городе, где правят люди.

Грей усмехнулся.

— Люди не умеют править. Они умеют забывать.

— Иди, — сказал он. — И не трогай архив.

***

Я пошёл в архив.

Городской архив находился в подвале суда. Там было сыро, пахло мышами и старым пергаментом. За столом сидел клерк — молодой человек с испуганными глазами.

— Мне нужен приказ по делу Сэя, — сказал я.

— Он закрыт.

— Кем?

— Канцелярией.

— Покажите опись.

Клерк замялся.

— Опись тоже закрыта.

— Тогда покажите, что открыто.

Он посмотрел на меня. Потом на дверь. Потом снова на меня.

— Господин палач, — сказал он тихо. — Вам лучше уйти.

— Почему?

— Потому что вчера сюда приходили люди канцлера. Они

забрали три папки. И сказали, что если кто-то спросит про Сэя, мы должны сказать, что дело закрыто.

— Кто именно приходил?

— Я не знаю имён. — Он опустил глаза. — У них были чёрные печати.

Чёрные печати. Канцелярия канцлера.

Я вышел из архива.

***

У ворот меня ждал посыльный.

— Господин Вейл?

— Да.

Он протянул мне запечатанный конверт.

— Новый приказ.

Я взял. Печать была чёрной.

Внутри лежал лист. На нём было написано:

«Вычеркнуть: Лиз Сей. Причина: распространение ложных сведений, подрывающих доверие к Гильдии. Срок: сегодня, до заката».

Я стоял на улице и смотрел на лист. Дождь смывал чернила на уголке.

Она была права. Они не собирались разбираться. Они собирались её вычеркнуть.

***

Я вернулся в Дом Забвения.

В моей комнате никого не было. Лиз ушла. На столе лежала папка с бумагами и чёрное перо — знак вызова в кан-

целярию.

Я взял перо. Оно было холодным.

За окном били часы. До заката оставалось шесть часов.

***

Запись № 217-Б. Вычеркнут: Лиз Сей. Причина: ложные сведения. Статус: приказ получен. Примечание: палач отказался.

Глава 4
Белая книга

«Имя можно вернуть. Но имя не возвращается одно».

Надпись на переплёте Белой книги.

В канцелярию я вошёл через крышу.

Это было не так сложно, как звучит. Канцелярия стояла на углу площади, и её крыша соединялась с крышей соседнего дома. Я перелез через парапет, спустился по водосточной трубе и оказался на чердаке.

Внизу спали писцы. Я прошёл мимо них на цыпочках.

Архив канцлера находился в подвале. Дверь была железной, с чёрной печатью. Я знал, как её открыть: у палачей был свой ключ. Гильдия и канцелярия делили много дверей.

Замок щёлкнул.

***

В архиве было темно. Я зажёг фонарь и пошёл между стеллажами.

Архив канцлера был больше городского. Здесь хранились не только приказы, но и доносы, расписки, тайные соглашения, списки врагов. Я шёл между стеллажами и чувствовал, как город смотрит на меня тысячами бумажных глаз. Каждая папка — чья-то жизнь. Каждая подпись — чей-то страх.

В углу стоял стол с чернильницей. Чернила высохли. На столе лежала лупа и серебряная линейка. Кто-то работал здесь недавно. Я провёл пальцем по столу — пыль была стёрта в одном месте, у края. Кто-то убирал папку.

Я посмотрел на полку. Папка «Вычерки» стояла не на месте.

Папки были подписаны аккуратным почерком. «Налоги».

«Порты». «Гильдии». «Вычерки».

Я остановился на последней.

Папка была толстой. Внутри — приказы, списки, печати. Я нашёл дело Сэя. Приказ был подлинным, но признания не было. Вместо него лежала записка, написанная рукой канцлера:

«Сэй знает о „Милосердии“. Убрать. Свидетелей — тоже».

Я сжал записку в кулаке.

Потом увидел ещё одну папку. Она была тоньше и лежала отдельно, под стеклом.

На ней было написано: **«Белая книга. Доступ: канцлер».**

Я открыл её.

***

Внутри лежала книга. Не такая огромная, как Чёрная, — размером с ладонь, в белом переплёте, с серебряными уголками. На первой странице была надпись:

«Имя можно вернуть. Но имя не возвращается одно. Кто впишет имя в эту книгу, отдаст своё».

Я перевернул страницу. Там были имена. Много имён. Все — вычеркнутые.

Я нашёл Тэсс.

Тэсс Вейл. Двенадцать лет. «Милосердие».

Рядом с её именем стояла пометка: *«Восстановление невозможно. Свидетель мёртв».*

Я смотрел на эти буквы и чувствовал, как внутри что-то сжимается.

Тэсс не утонула. Её вычеркнули.

Я помнил её. Я помнил, как она смеялась, как боялась темноты, как просила рассказать сказку. Я помнил, как отец сказал мне, что она утонула. Он тоже был палачом. Он знал.

Он приказал её вычеркнуть. А исполнил приказ мастер Грей.

Я вспомнил отца. Он был мастером Гильдии до Грея. Высокий, сухой, с руками в чернилах. Он учил меня, что палач не имеет права на сомнение. «Сомнение — это ржавчина, — говорил он. — Один раз засомневался — и клинок сломан». Он вычеркнул сотни людей. Он никогда не сомневался. А потом вычеркнул собственную дочь — и сломался.

Я не знал, что он чувствовал. Он не говорил. Он просто перестал выходить из комнаты. Через год его нашли мёртвым за столом, с пером в руке. Врачи сказали — сердце. Я думал — вина.

***

В соседней папке лежало дело «Милосердия».

Корабль вышел из Керна двадцать лет назад. На борту было триста человек — политические заключённые, члены семей, свидетели. Официально они направлялись в колонию. Фактически корабль должен был утонуть в море, чтобы никто не рассказал о расправе над сторонниками свергнутого короля.

Корабль утонул. Но несколько человек выжили. Их подобрали рыбаки. Их вычеркнули.

Среди выживших была Тэсс.

***

Я взял Белую книгу и папку. Засунул их за пазуху.

В коридоре послышались шаги.

Я погасил фонарь. Прижался к стене. Мимо прошли двое гвардейцев с факелами.

— Канцлер сказал проверить архив, — сказал один.

— С чего вдруг?

— Говорят, палач что-то ищет.

— Какой палач?

— Вейл.

Они прошли мимо. Я выждал минуту и двинулся к выходу.

На лестнице я столкнулся с третьим гвардейцем. Он открыл рот, чтобы крикнуть. Я ударил его фонарём. Он осел на пол.

Я выбежал на улицу.

***

Дождь усилился. Я шёл по переулкам, прижимая к груди Белую книгу. Она была холодной, как лёд.

Я не знал, что делать. Я знал только, что Лиз Сей должна жить.

И что мой отец был палачом, который приказал вычеркнуть мою сестру. А исполнил приказ человек, которого я на-

зывал учителем.

***

Запись № 217-В. Вычеркнут: Артур Сей. Причина: измена. Статус: приказ подделан. Примечание: палач нашёл доказательства.

Глава 5
Приказ

«Палач, отказавшийся от приказа, становится тем, кого вычёркивают».

Устав Гильдии Забвения, статья девятая.

Лиз ждала меня в порту.

Она сидела на перевёрнутой лодке, укрывшись плащом, и смотрела на море. Когда я подошёл, она не обернулась.

— Я знала, что вы придёте, — сказала она.

— Почему?

— Потому что вы палач. Вы помните.

Я сел рядом.

— Ваш отец был невиновен.

Она посмотрела на меня. В её глазах не было торжества. Только усталость.

— Я знала.

— Он знал о «Милосердии». Корабль, который утонул двадцать лет назад. Триста человек. Политические заключённые. Их вычеркнули, чтобы никто не рассказал.

— Откуда вы знаете?

Я достал папку и показал ей.

Лиз читала молча. Потом закрыла папку.

— Моя мать была на этом корабле? — спросила она.

— Нет. Ваш отец узнал о нём позже. Он нашёл список выживших.

— И его вычеркнули.

— Да.

Она помолчала.

— А вы? — спросила она. — Почему вы этим занимаетесь?

Я достал Белую книгу. Открыл на странице с именем Тэсс.

— Это моя сестра, — сказал я. — Ей было двенадцать. Она была на «Милосердии». Мой отец вычеркнул её, чтобы скрыть правду.

Лиз посмотрела на меня. В её глазах было что-то, чего я не ожидал: жалость.

— Простите.

— Не надо.

— Надо.

Мы сидели на лодке и смотрели на море. Дождь кончился. Над водой поднимался туман.

— Что теперь? — спросила Лиз.

— Теперь мы уходим.

— Куда?

— В Нижний город. Там живут те, кого вычеркнули. Они помогут.

— А Гильдия?

— Гильдия уже идёт за нами.

***

Бран появился на причале.

Он был моим учеником. Я учил его держать стило, читать печати, не задавать вопросов. Он был хорошим учеником — слишком хорошим. В Гильдии таких любят: они не сомневаются. Я не хотел, чтобы он стал таким, как я. Но Гильдия не спрашивает, чего ты хочешь.

— Йона, — сказал он. — Отдай девушку.

— Она не вещь.

— Приказ.

— Приказ подделан.

Бран посмотрел на Лиз. Потом на меня. В его глазах была не злость, а растерянность. Он не понимал, почему я не подчиняюсь. Для него мир был прост: есть приказ, есть исполнитель, есть книга. Всё остальное — философия.

— Мастер Грей сказал, что ты предал Гильдию.

— Мастер Грей ошибается.

— Он никогда не ошибается.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.